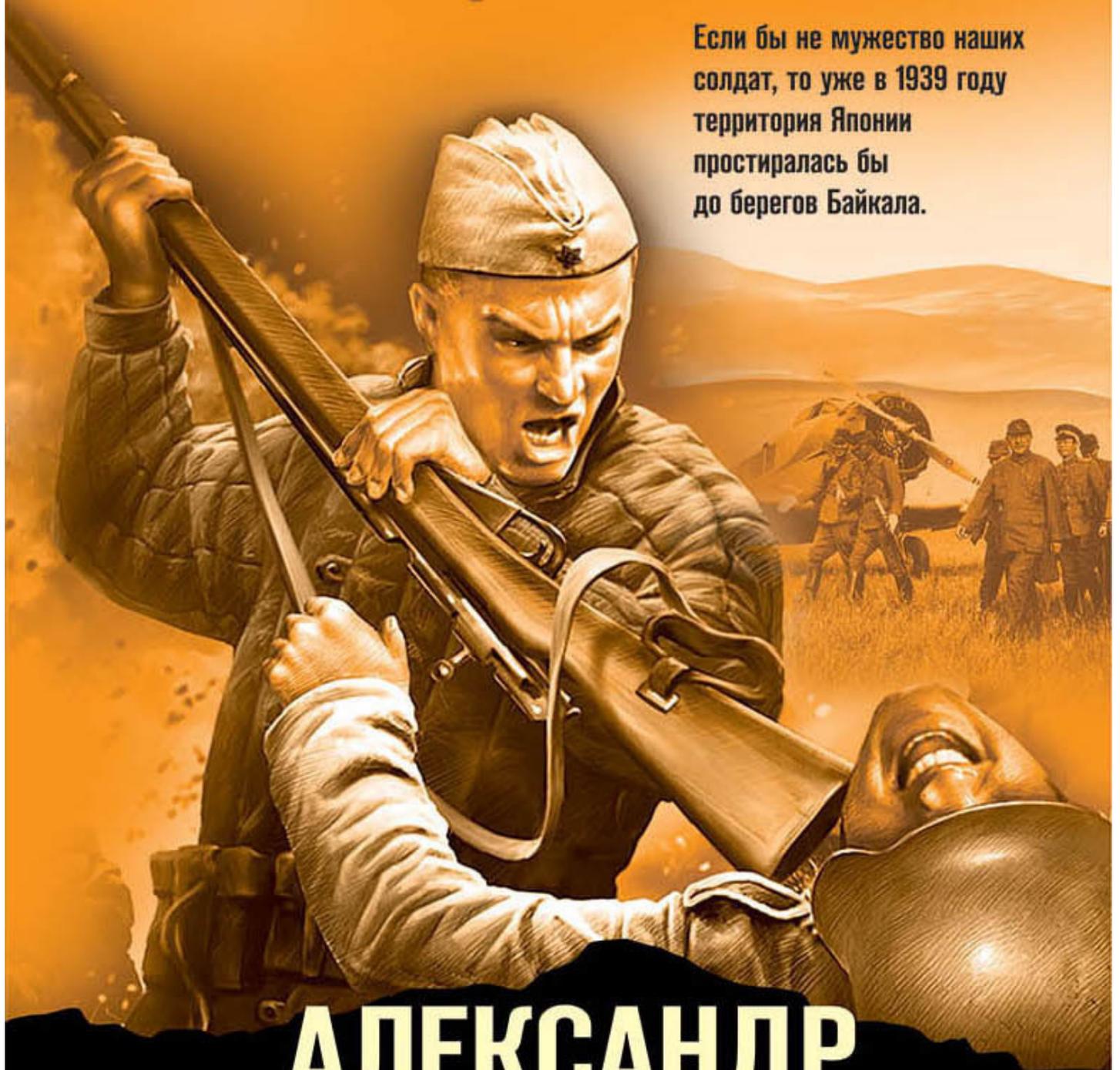

УДАЛЖИНА ГОДИ

ГРАНИЦА НА КРОВИ

Если бы не мужество наших солдат, то уже в 1939 году территория Японии простиралась бы до берегов Байкала.

АЛЕКСАНДР

ТАМОНИКОВ

Александр Тамоников

Халхин-Гол. Граница на крови

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Халхин-Гол. Граница на крови / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2019

ISBN 978-5-04-102892-3

Новый роман признанного мастера военного жанра. Стратегические планы, удачи и просчеты командования, коварство врага, подвиги рядовых бойцов и командиров РККА – локальная война, как она есть на самом деле. Подлинность событий и биографий героев отечественной истории. Общий тираж книг А. Тамоникова – около 10 миллионов экземпляров. Весна 1939 года. В самом разгаре пограничный конфликт между японцами, оккупировавшими Маньчжурию, и Монголией. Советский Союз выступает на стороне монгольского народа. В числе Особого Корпуса РККА, сдерживающего натиск японских захватчиков у реки Халхин-Гол, стрелковая рота капитана Сергея Новикова. Бойцы измотаны многодневными боями. Но враг продолжает упорно штурмовать наши позиции. В последний момент Новиков принимает отчаянное решение – идти в штыковую атаку. И вот, когда до смертельного броска остаются считанные минуты, происходит то, что в корне меняет ход сражения...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102892-3

© Тамоников А. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Александрович Тамоников

Халхин-Гол. Граница на крови

© Тамоников А.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Диверсионный отряд майора Райдона Куроки вышел в заданный район затемно. В начале мая температура здесь не поднималась выше восьми градусов ни днем ни ночью. Диверсанты были облачены в специальные комбинезоны, которые позволяли им спать на голой земле.

Головной дозор поднялся на сопку.

Вскоре оттуда спустился солдат и доложил:

– Господин майор, пограничные наряды монголов в ста метрах прямо перед нами, на западных сопках.

Командир батальона перед рейдом подробно ввел майора Куроки в курс дела. Задание было простым и не представляло сложности для опытных диверсантов, из которых состоял отряд. Но одно дело – постановка и уяснение задачи на карте и в штабе и совсем другое – действия в реальной обстановке.

Посему майор подозвал к себе своего заместителя, командира первой штурмовой группы капитана Эндо Одзаву, и приказал:

– Поднимемся на высоту, капитан, обследуем местность!

– Но есть ли в этом какой-то смысл, господин майор? – проговорил Одзава. – Что мы там сейчас увидим?

Куроки взглянул на него и осведомился:

– Почему, Эндо, ты решил, что можешь обсуждать мой приказ?

– Извините, господин майор, но сейчас и на дальности в сто метров мало что увидишь.

– За мной! – Командир отряда был непреклонен.

Они поднялись на сопку, где залег дозор, устроились рядом с солдатами.

Метрах в ста впереди были видны четыре сопки. На крайних из них стояли двухметровые вышки, на которых несли дозорную службу пограничники Монгольской Народной Республики. Внизу, под сопками, ничего рассмотреть было нельзя, но и увиденного оказалось достаточно.

– Да, это и есть застава Холар, входящая в состав Номанского погранотряда. Только она имеет наблюдательные вышки, потому что здесь рельеф местности более сложный, чем дальше на юг и север. Застава соседнего погранотряда в километре от нее. Вторая застава Номанского погранотряда в двухстах метрах от первой, что перед нами, именуемой Холар. Так называлась древняя крепость, развалины которой находятся за сопками.

– Это близко, господин майор!

– Недалеко, но между заставами тянется довольно глубокий и обрывистый овраг. Склоны его соединены висячим мостом, который виден с другой сопки. Он может пропустить одновременно не более шести солдат. Но если мы предпримем кое-какие меры... – Майор взглянул на капитана и спросил: – Ты понял, Эндо, о чем я?

– Да, господин майор. Мы должны уничтожить мост.

– Сделать это несложно. Он представляет собой ряды досок, связанных веревками, которые служат и перилами. Ясно, что такая конструкция неплохо горит, особенно в сухую погоду.

– Да, господин майор.

– Спускаемся! Ты займись рассредоточением отряда. Каждая группа должна быть вне видимости монголов. После чего всех командиров ко мне. Отправь людей на оборудование временного командно-наблюдательного пункта.

– Слушаюсь, господин майор!

Офицеры спустились к подножию сопки.

Заместитель отдал команды, группы начали рассредоточиваться. Делалось это быстро, тихо, без разговоров.

Денщик, фактически адъютант и помощник командира отряда рядовой второго класса Юко Ясида с двумя солдатами выставил телескопические шесты, на которых закрепил накидку, получился навес. Потом он расстелил на песке вторую накидку. Временный КНП был готов.

Вскоре туда подошли командир второй штурмовой группы лейтенант Моку Сасаки, командир расчета станкового пулемета капрал Юки Комаду, командир третьей штурмовой группы старшина второго класса Дзиро Ито. Юко Ясида подвесил на шест фонарь и отошел в сторону, готовый исполнить любое приказание майора.

Куроки разложил карту и проговорил:

– Мы у цели. Задача группы – нанести удар по монгольской погранзаставе Холар, расположенной прямо за сопками. Линия обороны устроена и на западных высотах. О заставе: командует ею капитан Амгалон Гандориг, достаточно опытный офицер, которых у монголов не так уж и много. Он участвовал в боях в Китае. Застава, подчиненная ему, отличилась и здесь. Месяц назад она отбила нападение взвода нашей пехоты. На этот раз мы должны нанести заставе такой урон, чтобы она прекратила свое существование как боевая единица. Заместитель начальника заставы – старший лейтенант. Фамилия его мне неизвестна, да она и ни к чему. Охрану границы подразделение Гандорига осуществляет четырьмя нарядами, состоящими из отделений по десять бойцов в каждом. На средних сопках по два человека, двое на вышках, по два между холмов. Вооружение штатное: ручные пулеметы Дегтярева, винтовки. Это данные разведки. Как реально охраняется граница, увидим на рассвете.

Лейтенант Сасаки посмотрел на командира и спросил:

– Господин майор, почему вы называете западные сопки границей? Это же наша территория, разве не так?

– В этом есть разница?

– Я считаю, да.

– Тогда объясни мне, лейтенант, что на нашей территории делают монгольские войска.

– Они оккупировали ее!

Майор поднял брови.

– Неужели какие-то монголы могут забрать у нас территорию? Все, достаточно разговоров, совещание объявляю закрытым. Боевую задачу группам поставлю после утренней визуальной разведки и оценки обстановки. Сейчас приказываю выставить охранение. – Командир отряда повернулся к заместителю и приказал: – Капитан, займитесь этим!

– Слушаюсь, господин майор!

– Все свободны! Можете отдыхать.

Майор пристроил вместо подушки ранец, снял кожаный поясной ремень с подсумками, планшет, фляжку, прочую экипировку, погасил лампу, прилег, накрылся накидкой.

Вскоре появился заместитель и доложил:

– Все в порядке, господин майор!

– Спи.

Вопрос о границе возник на совещании не на пустом, как говорится, месте.

Монголия и Маньчжурия являлись зоной особых интересов Японии. В высших военных кругах Страны восходящего солнца считалось, что завоевание всего Китая надо начинать именно отсюда.

В сентябре 1931 года началось вторжение японской армии в Маньчжурию. Она была оккупирована. 1 марта 1932 года на этой территории было провозглашено «независимое» государство Маньчжоу-го, возглавляемое императором Пу И, который полностью подчинился властям Японии.

После этого Япония предъявила территориальные претензии Советскому Союзу. С 1934 по 1938 год произошло более двухсот тридцати нарушений границы со стороны японцев. Тридцать пять таких провокаций вылились в боевые столкновения.

Самое решительное и серьезное поражение Красная армия нанесла японцам у озера Хасан в конце июля – начале августа 1938 года. Авторитет армии императора Хирохито был основательно подорван. Японии была необходима победоносная война.

Для этого требовался повод. Японцы, конечно же, его нашли. Власти Токио потребовали от руководства Монгольской Народной Республики признать границу по реке Халхин-Гол. Монголия же настаивала на том, что она проходит в двадцати-двадцати пяти километрах восточнее.

Японская армия постоянно устраивала вооруженные провокации на границе. Они должны были перерасти в войну, целью которой являлась оккупация всей территории Монгольской Народной Республики, поддерживаемой Советским Союзом. Между этими странами был заключен договор о военной помощи.

Командир диверсионного отряда поднял своих подчиненных, как только забрезжил рассвет, в половине пятого. Он тут же вызвал к себе старшего наблюдателя.

Капрал Ватару Ника подошел к КНП, поклонился.

– Доброе утро, господин майор.

Старший офицер кивнул в ответ и тут же задал короткий вопрос:

– Что по наблюдению?

– Все четыре дежурные смены не заметили ничего особенного. Монголы несут службу как обычно, – ответил Ватару.

– Из этого следует, что они не знают о нас?

Капрал пожал плечами:

– Поручиться не могу, господин майор, но думаю, что если бы монголы узнали, то вели бы себя совсем по-другому.

– Ты прав. Снимаю охранение. Бойцам двухчасовой отдых. – Майор повернулся к заместителю и распорядился: – Всем быстро привести себя в порядок, позавтракать, после чего командному составу прибыть ко мне на постановку задачи.

– Слушаюсь, господин майор!

Вскоре офицеры, старшина и капрал собрались на КНП. Выглядели они бодро, были готовы к бою.

Майор развернул карту и проговорил:

– Ставлю задачу отряду. Расчету станкового пулемета выдвинуться на правую крайнюю от КНП сопку, где занять позицию и замаскироваться. Первой ударной штурмовой группе находиться у КНП, второй выйти к левой сопке, выставить на огневые позиции двух стрелков. Третьей группе пройти на крайнюю южную сопку, где также выставить не менее двух стрелков. По порядку рассредоточения вопросы есть?

Вопросов не было.

Майор продолжил:

– По моему сигналу, красной ракете, расчету станкового пулемета разнести караульные вышки монголов и наряд на средних холмах, уничтожить подвесной мост, держа в зоне внимания фланг, куда могут выйти пограничники с соседней заставы. При необходимости по дополнительной команде, которую передаст мой заместитель, возможен переход расчета на другие позиции. Этот вопрос решится в ходе нападения на заставу. Капрал Комаду, тебе все понятно?

– Да, господин майор.

Куроки кивнул и снова заговорил:

– Штурмовым группам после обстрела позиций монголов по моей команде, а это вторая красная ракета, уничтожить прицельным огнем пулеметные расчеты монголов, выйти на рубеж западных холмов и с них обстрелять развалины крепости, внутри которой размещаются три отделения заставы. Они должны находиться в палатках, во время обстрела скорее всего успеют занять позиции обороны. Далее от каждой группы вперед выдвигаются по два солдата. Они должны дойти до рубежа применения ручных гранат и забросать ими линию обороны заставы. Их действия прикрывают огнем все солдаты отряда. Нанеся существенный урон заставе Холар, третье отделение старшины второго класса Дзиро Ито имитирует отход на юго-восток в овраг. Вместе с ним движется расчет станкового пулемета. Передовые двойки вместе с первой и второй группами укрываются в балке, по которой отряд подходил сюда. Там я поставлю дополнительную задачу. Вопросы?

Поднялся капитан Эндо Одзава и сказал:

– Я понимаю, для чего выставляются стрелки второй группы – для ликвидации монгольских пулеметчиков. Что должны делать мои?

– Твои бойцы, капитан, должны в первую очередь посмотреть, удастся ли расчету станкового пулемета уничтожить пограничника на дальней от себя вышке, при необходимости – подстрелить его и поддержать огнем действия лейтенанта Сасаки, – объяснил командир отряда, взглянул на подчиненных и сказал: – Если все ясно, выводите людей на позиции и ожидайте сигналов. Забирайте всех, включая последнюю смену. У солдат было время отдохнуть. Перемещаться аккуратно!.. Вам и без меня понятно, что произойдет, если противник нас обнаружит. Выполнять приказ!

Командиры ушли.

Майор подозвал рядового второго класса и сказал:

– Юко, налей мне чаю, затем снимай пологи, шесты, сворачивай КНП и выходи на самый верх сопки. Думаю, не надо говорить, что сделать это следует скрытно.

– Не надо, господин майор.

– Там оборудовать наблюдательный пункт.

– Слушаюсь!

На пограничной заставе Холар был объявлен общий подъем. Солдаты выбежали из палаток к уборным, оборудованным в пятидесяти метрах от развалин древней крепости, затем умылись, оделись, построились для утреннего осмотра.

Пока они приводили себя в порядок, начальник заставы капитан Амгалон Гандориг прошел в штабную палатку, где в это время находился связист сержант Гуйлан Карандан.

При появлении начальника заставы он поднялся.

– Здравия желаю, товарищ капитан!

– Здравствуй, Гуйлан. Вызови-ка мне старшего наряда сержанта Бурбата.

– Есть, товарищ капитан!

Связист открыл крышку полевого телефонного аппарата УНА-Ф-28 советского производства, вызвал сержанта и передал трубку капитану.

– «Орел» на связи! – сказал старший наряда.

– Это «Крепость». Что у вас?

– Докладываю. В зоне ответственности подразделения все спокойно.

– Сообщения наблюдателей прошли в штатное время?

– Так точно!

– Хорошо. Продолжайте наблюдение.

– Есть, «Крепость»! – Капитан отвел трубку от уха и приказал: – Теперь связь с отрядом!

Пограничный отряд, в состав которого входила застава Холар, располагался в двадцати километрах, в сомоне, то есть сельском населенном пункте Номан.

– «Рубеж» слушает! – отозвался дежурный по отряду.

– «Рубеж», я «Крепость», примите доклад.

– Да.

– За прошедшую ночь на заставе происшествий не случилось, обстановка в зоне ответственности обычная, вполне спокойная. Дежурный наряд находится на позициях наблюдения и обороны.

– Принял доклад, – сказал дежурный офицер.

– До связи!

– До связи!

Гандориг вернул трубку связисту.

– Держи, сержант. Неси службу. Я к личному составу. Если что, вызывай.

– Да, товарищ капитан.

Гандориг вышел из палатки.

В это время его заместитель старший лейтенант Торхан Бержингин проводил осмотр личного состава.

Порядок несения службы у монгольских пограничников отличался от советского. Наряды у них заступали на сутки и отдыхали поочередно прямо на позициях. Пока это не подводило, хотя уже шли слухи о реорганизации всей пограничной службы МНР по советскому образцу.

Утро выдалось солнечное, день обещал быть теплее обычного. Воздух должен был прогреться градусов до двенадцати-пятнадцати, если, конечно, не накроют тучи, не пойдет дождь или с севера не налетит песчаная буря.

Утренний осмотр закончился. Повар доложил начальнику заставы о том, что завтрак готов. Капитан прошел в столовую, накрытую пологом, чтобы снять пробу. Рацион был скупой. Нехватка продуктов в стране сказывалась и в армии. Но тыловик из штаба отряда говорил Гандоригу, что из Союза уже следуют в Монголию эшелоны с продовольствием.

К начальнику заставы подошел советский военный советник, бурят по национальности, старший лейтенант Шагаев Алтан Дугарович. Он прибыл на заставу месяц назад, когда в Монголию был переброшен из Союза крупный отряд офицеров всех родов войск, в том числе и пограничных. С бойцами заставы он общался легко. Языки были похожи, к тому же старший лейтенант Шагаев проходил дополнительную подготовку.

Еще недавно он был начальником советской пограничной заставы, расположенной в Средней Азии, очень неплохо знал, как охранять границу, имел орден Красного Знамени за пресечение прорыва банды басмачей из Афганистана. Его подчиненные вылавливали немало нарушителей, но в серьезных боях он не участвовал. Впрочем, как говорил сам Шагаев, опыт приходит со временем.

– Здравия желаю, капитан! – поприветствовал советник начальника заставы.

– Доброе утро, Алтан.

Они общались попросту, по имени и на «ты», переходили на официальный тон только тогда, когда заставу инспектировали офицеры, прибывшие из вышестоящих штабов.

– Что у нас на границе?

– По докладу старшего наряда все спокойно.

– А вот у меня отчего-то с подъема тревога. И вроде объяснить ее ничем нельзя, а терзает.

– Бывает. Я иногда тоже испытываю непонятную тревогу, потом проходит. Мы с тобой такие же люди, как и все прочие. Сегодня хорошее настроение, завтра плохое, утром спокойно на душе, вечером наваливается волнение. Реальной угрозы на нашем направлении пока нет. По данным разведки, японцы сосредоточили основные силы севернее.

– Разведка – это хорошо, – проговорил Шагаев и предложил: – А не посмотреть ли нам самим, своими силами территорию на востоке, за линией границы?

Капитан усмехнулся и заявил:

– Хороший же у меня советник, предлагающий вместо охраны границы нарушить ее. Ты это практиковал в Союзе?

– Там такой необходимости не было, – ответил старший лейтенант.

– А здесь есть?

– Да черт его знает. Вот только помню, что когда банда из Афганистана ночью прорывалась в Туркестан, то у меня с раннего вечера было такое же тревожное состояние.

Начальник заставы посмотрел на советского офицера, облаченного в форму пограничных войск МНР, и произнес:

– Да? Может, чтобы успокоиться, пройдешь к наряду, на сопку, где расположен наблюдательный пункт сержанта Бурбата? Оттуда через оптику осмотришь местность. Возможно, это снимет твою тревогу.

– Пожалуй, я так и сделаю, – согласился Шагаев.

– Только предупреди по связи сержанта.

– Само собой!

– Ну давай, Алтан. А я сейчас отправлю отделения на занятия по физической подготовке.

– Кросс устроишь?

– Посмотрим. У нас кроме физической подготовки да изучения уставов личный состав и занять-то практически нечем. Не помешала бы огневая подготовка, да патронов, сам знаешь, штатный комплект. Для учебных стрельб боеприпасы нам не выделили.

– Ты запрашивал?

– Да, конечно, а что толку? На складах пусто. Все боеприпасы на руках. Что на заставах, что в отряде.

– Ну да. Я обращусь к главному военному советнику. Надеюсь, он поможет.

– Это было бы очень хорошо. А еще, Алтан, в отряде поговаривают, что советское командование планирует переброску сил поддержки монгольской армии и сюда, в наш район.

Старший лейтенант пожал плечами и заявил:

– Мне об этом ничего не известно. Но в принципе почему нет? По договору, заключенному между нашими странами, Советский Союз обязан защищать территорию МНР как свою собственную.

– В том, что Союз поможет, нет никакого сомнения. Но вот когда? После того как японцы решатся на масштабное наступление, начнут его и сметут все наши пограничные части? Мне и моему личному составу, знаешь ли, от такой помощи ни холодно ни жарко. Мертвым поддержка не нужна.

– Я испортил тебе настроение?

– Нет, я просто рассуждаю. Но иди. Я смотрю, заместитель распустил строй. Пора брать командование в свои руки.

– Я буду на позициях наряда.

– Да.

Советник прошел в штабную палатку.

Связист поднялся, принял стойку смирно.

Шагаев махнул рукой.

– Вольно, садись. И вызови-ка мне сержанта Бурбата.

– Слушаюсь, товарищ старший лейтенант! – Он тут же протянул трубку советнику. –

Старший наряда на связи.

– Я «Байкал»! – сказал тот.

– «Орел», слушаю.

– Собираюсь к тебе. Предупреди подчиненных.

– Вас понял. Сейчас сделаю. Через пять минут выходите.

Вскоре советский военный советник зашел в небольшой окоп, перекрытый бревнами на манер блиндажа. У той его стороны, которая была обращена к границе, стояла стереотруба.

– Как дела, сержант? – спросил Шагаев.

– Да спокойно все, товарищ старший лейтенант.

– Спокойно, говоришь? А ну-ка посмотрим местность.

Он припал к окулярам стереотрубы, увидел сопки, плато, рассеченное множеством оврагов и балок. Там никого, ни людей, ни техники. Только справа, у крайней сопки шевельнулся куст.

– Это что? – Старший лейтенант опять пристально посмотрел на куст, но там больше не было никаких движений.

– Вы что-то заметили? – спросил Бурбат.

– Да, вроде шевельнулся куст.

– Ну, это не в диковину. Сейчас самое время для грызунов и прочей живности. Пора им из нор выбираться. Весной начинается их обычная жизнь. А может, ветер там дунул. Такое тут тоже часто случается. Вроде полная тишина, и вдруг заколыхались ветки на кустах. А бывает и так, что у нас на сопках тихо, а метрах в тридцати песчаная буря или дождь. Такая вот особенность климата.

Шагаев опустил бинокль посмотрел на Бурбата.

– Особенности климата, говоришь, сержант? Зверьки полевые?

– Так точно. Может, и змея.

– Ладно. А скажи мне, ты тревогу не чувствуешь?

Бурбат улыбнулся и ответил:

– Я чувствую голод, жду, когда с заставы принесут завтрак.

– Ясно, – сказал старший лейтенант, еще раз осмотрел сопки, местность за ними. – Ничего! Ну и хорошо. Я на заставу.

– Вы там поторопите наших с завтраком, товарищ старший лейтенант.

– Да, я им напомню.

Шагаев вышел из окопа на склон, спустился с высоты, прошел к заставе. Личный состав под командованием начальника отжимался.

– Раз-два, раз-два! Олан, живее! Что ты как дряхлый старик!

– Устал.

– Через усталость!

Шагаева встретил заместитель начальника заставы Торхан Бержингин.

– Ты ходил на сопки, Алтан? – осведомился он.

– Да.

– Ну и что там?

– Ничего. Вроде все спокойно. А где старшина?

– При полевой кухне.

– Сержант Бурбат просил поторопиться с доставкой завтрака.

– А вон понесли уже бойцы из отделения Мурута.

Двое солдат тащили термосы и фляги.

– Вижу.

– А чего ты ходил на сопки?

– Тревожно что-то мне, Торхан.

– У меня такое чувство часто возникает. Когда был в отряде, обращался к начальнику медицинской службы, спрашивал, отчего это. Тот ответил очень уж мудро. Я понял только, что внезапные приступы тревоги и волнения могут быть от перепада атмосферного давления, что в этом районе не редкость.

– А сегодня ты как?

– Нормально.

– Значит, и давление в норме.

– По словам доктора, оно влияет на каждого человека по-своему. Но ты не переживай, глупости все это. Просто мы долго находимся в неопределенности, в напряжении, ждем нападения японцев.

– Может, и так. Я попробую связаться со своим начальством.

– Давай!

Подходя к штабной палатке, Шагаев посмотрел на часы. 09.47.

«Как же быстро течет время», – подумал он и распахнул полог палатки.

Появление офицера на монгольской стороне тут же заметил рядовой второго класса Юко Ясида.

Он окликнул Куроки, который делал какие-то пометки на карте, разложенной поверх планшета:

– Господин майор!

– Да?! – Командир отряда поднял голову.

– На сопке, где сидят монгольские пограничники, появился офицер.

– Где?

– Высота напротив нас.

Райдон Куроки поднял бинокль, глянул на сопку и проговорил:

– Да, вижу. Это не начальник заставы.

– Может, заместитель? – подал идею Юко.

– И не заместитель. У меня есть описание всего командного состава заставы. Думаю, это советский военный советник.

– У монголов появились русские советники? – не без удивления спросил рядовой второго класса.

– Не везде, но кое-где они уже есть. Интересно, что привело его на позиции наряда? В обязанности советника не входит проверка службы отдельных подразделений. Может быть, он по своим каналам получил информацию об ударах по заставам, готовящихся нами, и решил посмотреть, если ли опасность для Холара? Но подобная информация обязательно должна была бы встревожить начальника заставы. В этом случае он был бы обязан перевести заставу в состояние повышенной боевой готовности, то есть усилить наряды. Однако этого не произошло.

– Офицер рассматривает и подходы к сопкам, – сказал Юко Ясида.

– Но нас он не видит, иначе тут же поднял бы тревогу.

– Он не помешает нам, господин майор.

– Я о другом думаю, Юко. Было бы неплохо захватить этого советника. Сейчас это не удастся, а вот позже надо будет попробовать.

– Да, это хорошая мысль. Командир батальона полковник Танака был бы доволен.

– И не только Танака. Но это уж как получится. Русские сильные воины, не чета монголам, а в советники набирают опытных офицеров. Для них попадание в плен позор, как и у нас. Только харакири они не делают, предпочитают драться до конца, в последний момент подрывают себя гранатой либо стреляются. Итак, отметим, что на заставе с большой долей вероятности находится советский военный советник. А что у нас на соседней заставе?

– Там все так же, как и было. Офицер исчез, господин майор.

Куроки усмехнулся:

– По-твоему я ослеп? Вижу. Наверное, пошел на заставу.

– Пограничникам подносят завтрак.

– А вот это тот момент, которого я ждал, – заявил командир диверсионного отряда, достал ракетницу и поднял руку.

Старший лейтенант Шагаев уже дошел до развалин старой крепости, когда за спиной у него взмыла в небо красная ракета. На нее с недоумением смотрели несколько пограничников, оказавшихся рядом с военным советником. Обернулся и он.

Тут же с востока ударил станковый пулемет. Было видно, как разлетелась на куски вершина одной вышки, за ней и второй. Бойцы, пробитые пулями, рухнули на землю. Пулеметный расчет перенес огонь на позиции, оборудованные на внутренних сопках.

Раздался крик капитана Гандорига:

– Застава, в ружье!

Бойцы рванулись в оружейную палатку.

Два монгольских ручных пулемета открыли ответный огонь, дали по несколько коротких очередей и смолкли.

Заместитель начальника заставы рванулся к штабной палатке.

Связист уже вызывал старшего наряда сержанта Бурбата. Тот не отвечал. Наверное, провод был перебит либо...

Начальник заставы отдал приказ личному составу занять позиции обороны. Бойцы бросились к естественным укрытиям и развалинам древней крепости, на бегу заряжая винтовки. Боец с единственным уцелевшим ручным пулеметом залег в одиночном окопе между вторым и третьим отделением. Четвертое укрылось в траншее у палаток. Связист продолжал вызывать Бурбата.

Шагаев достал из кобуры пистолет ТТ и залег рядом с начальником заставы. Гандориг приказал связисту выйти из палатки и укрыться вместе с четвертым отделением.

Потом монгольский капитан взглянул на советника и спросил:

– Ты что-нибудь заметил на позициях наряда?

– Нет, хотя...

– Что хотя, Алтан?

– Было слабое движение в одном из кустов. Но сержант сказал, что это часто тут бывает.

– Прозевали мы японцев. Теперь вопрос, сколько их.

– Много быть не может, – уверенно сказал Шагаев. – Наряд заметил бы противника. Да и укрыться крупному подразделению, даже роте, за сопками нельзя, места не хватит.

– Там овраги, балки.

– В них, по крайней мере на удалении до двухсот-трехсот метров, никого нет. Они неплохо просматриваются. Роту скрытно не провести, а вот взвод можно. Но для прорыва обороны заставы его будет мало, тем более без техники.

– А куда стреляет их пулеметчик? По соседней заставе?

Шагаев чертыхнулся и ответил:

– Похоже, станковый пулемет бьет по навесному мосту, отрезает нас от соседей.

– Может, выйдем на высоты?

Шагаев отрицательно покачал головой.

– Нельзя! Это приведет к тому, что японцы попросту распотрошат нас со стационарных позиций. Если в их задачу входит только провокация, заключающаяся в обстреле наряда, то они уйдут. Если же их цель – захват заставы, то они должны вскоре объявиться и на сопках, где находятся наряд и те бойцы, которые завтрак туда понесли.

– Японцы выбрали самый подходящий момент. Видно, что командир у них толковый.

– Скоро узнаем, какой он толковый, – сказал Шагаев и осмотрел позиции.

Он увидел, что пограничники залегли, организовали эшелонированную, насколько это было возможно, оборону, находились в достаточно крепких укрытиях, повернулся к Гандоригу и заявил:

– Тебе, капитан, следует срочно сообщить в отряд о нападении, если в тылу не действует диверсионная группа, которая имеет задачу обрезать телефонные провода. Пока есть время, связывайся. Твой заместитель и командиры отделений знают, что делать, если появятся японцы. При необходимости я возьму командование на себя до твоего возвращения.

– Ты прав, – сказал Гандориг, пригнулся и побежал к окопу, занятому четвертым отделением.

Станковый пулемет и стрелки прекратили огонь.

Куроки в бинокль посмотрел на позиции, занятые монгольскими пограничниками, удовлетворенно хмыкнул и проговорил:

– Вижу группы на западных сопках, тела пулеметчиков внизу. О тех монголах, которые находились на вышках, и речи нет. Их плотно нашпиговал свинцом расчет капрала Комаду. А мост? Нет его! Пулеметчик молодец, срезал крепления. Мост висит на веревках и горит. Застава поднята в ружье. Монголы уже в окопах. Продолжаем работать. – Он пустил в небо вторую ракету.

Штурмовые группы капитана Эндо Одзавы, лейтенанта Моку Сасаки и старшины второго класса Дзиро Ито бросились к сопкам. Майор отметил, как диверсанты подобрали ручные пулеметы Дегтярева. Те имели диски, заряженные сорока девятью патронами, отстрелять же пулеметчики успели от силы по десятку. Значит, у отряда появились дополнительные автоматические огневые средства.

Японцы быстро поднялись на сопки, заняли три из четырех, кроме крайней северной. Метатели ручных гранат, назначенные заранее, застыли у подножий высот в ожидании команд. На верхушках сопки диверсанты-японцы обнаружили двух раненых монгольских пограничников, добились их штыками, заняли траншею и открыли прицельный огонь по противнику. Тогда же Одзава, Сасаки и Ито передали команды. К позициям защитников заставы поползли шестеро солдат с ручными гранатами.

Гандориг с позиций четвертого отделения увидел японцев на сопках, бросился к связисту и спросил:

– Гуйлан, связь с отрядом есть?

– Есть, товарищ капитан.

– Быстро соедини меня с начальником.

Сержант тут же сделал это.

– «Рубеж» на связи, – ответил подполковник Бату Гэлдэр.

– Я «Крепость»!

– Что у вас?

– Докладываю. Ровно в десять часов застава подверглась нападению японцев. Их численность не установлена, но не менее взвода. Противник применил станковый пулемет, из которого уничтожил наряд, находившийся на приграничных сопках, расчеты двух ручных пулеметов и подносчиков пищи. После этого японцы заняли высоты. Сразу же после начала обстрела я поднял заставу в ружье, приказал занять рубежи обороны. Японцы ведут огонь с сопки, мы отвечаем. Станковый пулемет противника уничтожил подвесной мост. Теперь мы отрезаны от соседней заставы.

– Как вы, капитан, допустили скрытый подход японцев к границе?

– Виноват, товарищ подполковник. Противник действовал очень грамотно. Мы постоянно наблюдали за местностью, но вы же знаете, что у нас нет прожекторов, а ночью подойти

к сопкам, находящимся на сопредельной стороне, не составляет труда. Именно с них японцы и провели губительный обстрел.

– Значит, сейчас вы ведете позиционный бой?

– Так точно. Но у нас ограниченный запас боеприпасов.

– Японцы тоже не могли притащить с собой много патронов.

– Согласен, однако смею предположить, что боеприпасов у них все же больше.

– Не надо предполагать! Приказываю заставе выбить противника с наших высот, восстановить контроль над границей. За погибшее отделение ответишь! Это тебе, капитан, понятно?

– Так точно!

– Выполняй приказ и регулярно сообщай обстановку.

– Слушаюсь! – сказал Гандориг, бросил трубку связисту, приказал ему постоянно держать связь с отрядом и вернулся на прежнюю позицию.

– Ну и что отряд? – спросил Шагаев.

Капитан сплюнул на песок и ответил:

– Подполковник обещал привлечь меня к ответственности за наряд, уничтоженный японцами, приказал выбить их с высот, восстановить контроль над границей.

– Ты ему доложил об ограниченном запасе боеприпасов?

– Он и без доклада прекрасно знает об этом. Заявил, что и японцы не могли притащить с собой много патронов.

– Тут он прав.

– А если противник за несколько дней до нападения скрытно подтаскивал сюда боеприпасы и прятал их в каком-то овраге? В этом случае он имеет возможность пополнять боезапас.

– Может быть и такое. Но, судя по плотности огня, патроны японцы экономят. Кроме расчета станкового пулемета. Видно, что у него большой боезапас. Нам тоже надо стрелять экономно.

– Да перестрелка и так не особенно интенсивная.

Тут перед позицией второго отделения вздыбились фонтаны песка и земли.

Шагаев услышал очереди и сказал:

– Это быют наши «дегтяри».

– Хорошо, что японцы пока станковый пулемет не установили на ближнюю сопку. Тот наделает дел.

Гранатометчиков пограничники заметили поздно. Японцы сумели незаметно подобраться к передовой линии обороны заставы. На позиции, занятые монгольскими бойцами, полетели гранаты с длинными ручками. Взрывы накрыли позиции двух отделений. Раздались крики, стоны. Одна граната разорвалась в пяти мерах от окопа начальника заставы и советского военного советника. Они успели пригнуться, и осколки веером прошли поверху.

– Только этого счастья нам сейчас как раз и не хватало, – сбрасывая с себя пыль, проговорил Шагаев. – Отдельные группы противника подошли вплотную к рубежу обороны. Их надо немедленно уничтожить. Иначе они перебьют нас, и тогда против японцев останется только сержант Арат со своими солдатами.

Прогремели еще шесть разрывов.

– Бойцы, по противнику, подошедшему к заставе, огонь! – выкрикнул капитан Гандориг.

Хорошо, что не пострадал пулеметчик. Ударил «дегтярь», застучали винтовки. Взрывы тут же прекратились. Из окопа выскочил заместитель начальника заставы и принялся палить из ТТ.

– Куда, Торхан? Назад!

Старший лейтенант отстрелял обойму, умудрился не получить пулю с сопки и упал в укрытие.

Наступила тишина, такая неожиданная и звонкая после бешеного грохота. Первыми перестали стрелять японцы. Потом и монгольские командиры отделений отдали приказ на прекращение огня.

Старшина, находившийся в соседней траншее, крикнул начальнику заставы:

– Капитан, к сопкам следуют трое японцев, тащат на себе четвертого.

Гандориг приподнялся в траншее, но так, чтобы его невозможно было достать с высот, и увидел двух японских солдат, скорее всего мертвых. Они лежали без движения метрах в тридцати от него. Трое с раненым были недалеко, но ближе к сопкам, нежели к линии обороны пограничников.

Старший лейтенант Бержингин крикнул:

– Командир, добьем японцев на плато!

– Отставить, старший лейтенант! Ты еще не все патроны израсходовал?

– Обойма осталась.

– Вот и побереги ее.

Шагаев приложил к глазам бинокль и осмотрел вершины сопки. Там вроде бы никого не было.

Гандориг сделал то же самое, а потом спросил советника:

– И что это значит, Алтан?

– Это значит, что подразделение противника выполнило свою задачу и начало отход, – ответил старший лейтенант.

– Тогда преследуем их?

– Это бесполезно. Японцы явно действовали по четко организованному и продуманному плану, который предусматривает быстрый и скрытный отход. Мы можем пристрелить трех их солдат, да и четвертого, которого они тащат, но не более того. Стоит ли тратить на них патроны, когда неизвестен основной замысел противника? Японцы не стали бы перебрасывать сюда людей для одной атаки. Они явно задумали что-то еще. Неизвестно, какими силами. Все, что мы сейчас должны и можем сделать, так это занять сопки и разместить на них усиленный наряд, то есть два отделения.

– С одним пулеметом?

– Если у тебя есть еще, то с несколькими.

– Ты прекрасно знаешь, у нас всего три пулемета было. Два из них захватили японцы у сопки.

– Тогда и говорить не о чем.

Гандориг жестом подозвал к себе командиров отделений. Они подошли к нему, и он приказал им доложить о потерях.

Выступил вперед сержант Барлас Гонгор:

– У меня двое погибших, двое раненых.

– Тяжелые? – спросил Гандориг.

– Ранения средней тяжести. Жить будут, но сейчас не вояки.

Начальник заставы перевел взгляд на командира третьего отделения сержанта Нарата Мурута.

Тот доложил:

– У меня тоже двое убитых на позиции, двое раненых, способных продолжать бой. Погибли два подносчика пищи.

– А что санинструктор?

– Оказывает помощь.

Командира четвертого отделения Арата Мунхбая спрашивать не стоило. Его отделение не участвовало в перестрелке, значит, не понесло потерь.

Гандориг чуть помолчал и проговорил:

– Так что мы имеем? Первое отделение погибло в полном составе, во втором в строю осталось шестеро, в третьем, с учетом легкораненых, столько же. Еще десять бойцов четвертого отделения. Со связистом, санинструктором, поваром, командным составом двадцать девять человек из штатных сорока шести. Плюс советник. Подтвержденные потери японцев – двое убитых, один раненый. Если и были другие, то мы про них не узнаем. Из вооружения мы потеряли два пулемета, не исключено, что японцы забрали и винтовки с сопок. Да, повоевали! Вот тебе и спокойная обстановка. Еще мост уничтожен. – Он взглянул на Шагаева. – Не напрасно тебя, старший лейтенант, терзала тревога. Мне стоило бы прислушаться к твоей интуиции, да чего уж теперь.

Начальник заставы приказал двум поредевшим отделениям занять сопки под прикрытием единственного ручного пулемета.

Это было сделано довольно быстро. На сопках бойцы нашли изуродованные трупы своих товарищей. Убитых японцев там не было. Четверо их солдат, один из которых был ранен, тоже успели уйти. В принципе контроль на линии границы был восстановлен. Однако произошло это только благодаря тому, что японцы сами отошли от нее. Почему они сделали это, было непонятно.

Начальник заставы прошел к телефону и приказал сержанту:

– Связь с начальником отряда, затем с соседней заставой.

– Начальник второй заставы выходил на связь. Я ответил, что вы, товарищ капитан, не можете говорить, доложил ему обстановку. Да капитан Дигуун и сам все хорошо видел.

– И не поддержал нас огнем? – воскликнул Шагаев.

– У него своя зона ответственности, – сказал Гандориг.

– Начальник отряда на связи! – доложил сержант.

Капитан взял трубку.

– «Крепость»!

– Это я уже понял, – прорычал подполковник. – Что у вас?

– Мы заняли наши высоты.

– Вот как? – Голос начальника отряда сразу смягчился. – Значит, можете, когда вас берут за одно место. Выбили-таки японцев. Сколько их было? Какое вооружение? Пленные есть?

Начальник заставы вздохнул и заявил:

– Мы не выбивали японцев с высоты. Они сами ушли.

– Как ушли? Куда ушли?

– Скорей всего туда, откуда подходили к заставе.

– Но потери-то они хоть понесли?

– Я видел двух убитых у заставы, одного раненого японцы утащили с собой. Но потери у них могут быть и большими. От заставы они не могли вынести убитых, а с сопок – вполне.

– Значит, так. Подашь рапорт, в нем укажешь, что личный состав в упорном бою выбил японцев с высот, захваченных ими. Они понесли значительные потери. Сколько у тебя убитых?

– Шестнадцать бойцов. Ранены четверо, двое из них легко.

– Значит, шестнадцать убитых и четверо раненых, двое из которых могут оставаться в строю?

– Так точно.

– В рапорте укажешь, что японцы потеряли убитыми более десятка солдат, столько же раненых.

– Но, товарищ подполковник, мы даже не знаем, сколько их было.

– Пусть взвод. Больше по численности подразделение к границе скрытно не подошло бы. А это до тридцати человек. Нормальные потери в наступлении при хорошо организованной обороне. У нас многовато, но война есть война. Сыграли свою роль фактор неожиданности и песчаная буря.

– Не было песчаной бури.

– Ты не понял меня? Да, у тебя в зоне ответственности не было ничего такого, произошло рядом, в двух километрах. Кто это проверит? Ты только бойцов своих предупреди. Впрочем, спрашивать их, кроме меня, никому. Этот рапорт доставить в штаб отряда немедленно с посыльными. Пусть они же заодно проверят линию связи.

– Но если говорим, то это значит...

– Ты понял меня?

– Так точно! Один вопрос разрешите?

– Давай свой вопрос.

– Пополнение будет?

– Придется дать тебе людей, но учти, у меня в Номане не полк и даже не батальон, а всего один резервный взвод охранения. Есть бронемшины, но посылать их к тебе не вижу никакой необходимости. Насчет солдат решим вопрос. Что еще?

– Боеприпасы.

– Что сможем, подбросим. Все?

– Так точно!

– Жду рапорт. Конец связи!

– Конец. – Гандориг взглянул на военного советника и спросил: – Ты ведь понял смысл нашего разговора?

– Да.

– Я должен подтасовать факты!

– А иначе, Амгалон, ты можешь загреметь под трибунал. Начальник отряда этим рапортом выгораживает тебя. В конце концов, мы же не знаем, какие потери понесли японцы? Может, ровно такие, как сказал Гэлдэр?

– Составлю рапорт и отправлю посыльных.

– Ну а я попытаюсь дозвониться до главного военного советника. Из отряда вряд ли стоит ожидать пополнения боеприпасов, которое крайне необходимо.

– Это так!

– И еще подумай, не выдвинуться ли нам на восточные высоты, откуда атаковали японцы.

– Но это же нарушение границы!

– А разве японцы не нарушили ее?

– Это требует согласования с тем же начальником отряда.

– Согласовывай.

Начальник заставы сел за стол, стоявший в штабной палатке, а военный советник подошел к связисту и сказал:

– Попробуй связаться с главным штабом.

– Кого запросить?

– Главного советского военного советника комбрига Кочанского или любого его заместителя.

– Слушаюсь, товарищ старший лейтенант!

Глава 2

На то, чтобы выйти на главный штаб, у сержанта Карандана ушло минут десять. Он упорно пробивался туда через коммутаторы пограничного отряда и управления и наконец протянул трубку советскому военному советнику.

Тот принял ее и сказал:

– Я старший лейтенант Шагаев, первая погранзаства Номанского погранотряда. С кем говорю?

– Помощник дежурного по штабу.

– Вы можете соединить меня с комбригом Кочанским?

– Нет, он в частях.

– А кто вместо него?

– Минуту.

Вскоре в трубке раздался знакомый голос:

– Алтан, ты?

– Подполковник Смирнов?

– Он самый. Здравствуй, дружище. Так ты, оказывается, тоже в Монголии. А я смотрел списки, тебя не видел. Давно тут?

– Месяц.

– Понятно, не успели писари внести. Тут, в штабе, бардак полный.

– А вы-то как оказались в Монголии?

– Так же, как и ты. Назначен в штат главного военного советника, являюсь его заместителем.

– Может, еще свидимся.

– Почему нет?

Подобное достаточно простое общение обуславливалось тем, что подполковник Смирнов Андрей Андреевич в Союзе служил начальником погранотряда, в состав которого входила застава Шагаева. Они хорошо знали друг друга, поддерживали дружеские отношения. Смирнов выгодно отличался от многих старших офицеров тем, что никогда не кичился своим званием и должностью, позволял себе называть подчиненных по имени, в неофициальной, естественно, обстановке.

– Ты чего, Алтан, к комбригу пробивался?

– Тут такое дело, Андрей Андреевич... – Шагаев довел до подполковника суть событий последних суток, потом сказал: – Таким вот образом мы потеряли не только людей, но и оружие, а конкретно два пулемета Дегтярева, и истратили более половины боекомплекта. Начальник отряда подполковник Гэлдэр обещал прислать людей и боеприпасы. С первым это получится, а со вторым наверняка возникнут проблемы, потому как на складах отряда боеприпасов с гулькин нос. А японцы, атаковавшие нас, далеко не ушли. Я в этом уверен. Не исключаю, что противник получит подкрепление. Он наверняка имеет какие-то планы, идущие весьма далеко.

– Я понял тебя, Алтан. Постараюсь что-нибудь сделать для вашей заставы, однако гарантировать не могу. Ты уж пойми меня правильно. Подобные провокации японцы сейчас устраивают постоянно, практически по всей границе. Наша помощь на подходе, но пока ее нет. Значит, Номанский погранотряд?

– Так точно, Андрей Андреевич! Начальник – подполковник Бату Гэлдэр.

– Записал. Переговорю с комбригом, но ничего не обещаю.

– Ясно.

– Как сам? На заставе освоился?

– Как сказать, Андрей Андреевич. Вроде и освоился, но у монголов многое по-другому. А главное, подготовка не та, что у советских пограничников.

– Это, конечно, не сравнить. Я бы мог тебе кое-что интересное сказать, но не по телефону. Наши связисты часто фиксируют несанкционированные подключения к проводам. Просто знай, что в ближайшее время здесь станет полегче в плане обеспечения.

– Хоть надежду подали!

– Эх, Алтан, одной надеждой не повоюешь.

– Это да. Не буду отрывать вас от дел, рад был слышать. До свидания, Андрей Андреевич.

– Давай, старший лейтенант, держись. Ты опытный, мужественный офицер, сам знаешь, как надо отвечать на провокации. До связи и встречи, Алтан.

– До связи и встречи, Андрей Андреевич.

Смирнов отключился.

Шагаев передал трубку связисту и сказал:

– Спасибо, сержант.

Начальник заставы оторвался от писанины, поднял голову и спросил:

– Я правильно понял? Ты знаешь офицера из штаба главного военного советника, да?

– Да, Амгалон. Служили вместе в Средней Азии. Он был начальником отряда, я – заставы в нем.

– Тогда он, может, что-нибудь сделает.

– Подполковник Смирнов приложит все усилия, но общая обстановка очень сложная.

– Да, японцы сильнее нас. Но они слабее Красной армии.

– Это покажет время, – сказал Шагаев, присел рядом с начальником заставы, достал помятую пачку «Беломорканала», одну из последних, привезенных из Союза.

Но это ничего. У него была еще и махорка, а газет для самокруток на заставе хватало. Он прикурил папиросу.

Гандориг поморщился. Он не курил, но не запрещал делать это советнику.

Начальник заставы между тем закончил писать рапорт, поставил подпись, сложил вдвое, положил в конверт, заклеил его, поставил печать, взглянул на связиста и спросил:

– Старший лейтенант Бержингин где у нас сейчас?

– С ранеными. Он спрашивал, что с телами погибших делать.

– Черт, надо было узнать у Гэлдэра.

– Что мешает сделать это сейчас? – спросил Шагаев.

– Ты не знаешь начальника отряда? Начнет кричать, мол, тебе больше заняться нечем!

– Погребение павших воинов – это не занятие?

– Ну, к родственникам, понятное дело, в нынешних условиях тела не отправить, хотя и надо бы. Гуйлан, сходи, передай старшине Муиху Гурагийну, чтобы выделил двух бойцов в качестве посыльных.

– Слушаюсь, товарищ капитан! – Сержант выскочил из штабной палатки и вскоре вернулся туда вместе с двумя солдатами.

Начальник заставы передал им пакет и приказал:

– Возьмите коней и доставьте пакет в штаб отряда!

Застава имела четырех лошадей, за содержание которых отвечал старшина. Конюшня располагалась в низине, за развалинами старой крепости, и нисколько не пострадала в ходе недавнего боя.

– Вы будете ехать вдоль телефонных проводов, посмотрите, все ли с ними в порядке. Пакет вручите лично подполковнику Гэлдэру. Если он что-то устно передаст, то слушайте внимательно и запомните дословно. Вопросы есть?

– Никак нет, – ответил старший посыльный.

– Вперед! – приказал капитан.

Посыльные ушли, и тут же сигналом вызова сработал телефонный аппарат.

Сержант снял трубку.

– «Крепость» на связи. Да, здесь, передаю. – Он протянул трубку капитану Гандоригу и шепнул: – Начальник отряда.

– Слушаю, товарищ подполковник.

– Ты рапорт в штаб отправил?

– Так точно, только что.

– Что на сопках?

– Тихо. Противника бойцы не видят.

– Они у тебя и до этого ничего не видели. Смотреть во все глаза!

– Есть, товарищ подполковник!

– Я выслал к тебе полуторку, погрузи в нее тела убитых и раненых. Будем хоронить в сомоне.

Начальник заставы облегченно выдохнул:

– Понял, сделаю.

– Вечером ожидай еще две машины, придут два отделения и боеприпасы, которые я могу выделить.

– А как насчет пулеметов?

– Нет у меня лишних.

– Но хотя бы один, товарищ подполковник.

– А зачем они тебе? Все равно японцам отдашь.

– Зачем вы так, товарищ подполковник?

– Ладно, не обижайся, насчет пулеметов посмотрю. Примешь людей и боеприпасы, машины сразу же обратно. Раненых своих к нам отправишь.

– Я понял.

– Ну а понял, конец связи!

– Конец связи. – Гандориг вернул трубку сержанту.

– Вот и решились вопросы с телами погибших, ранеными, пополнением и боеприпасами.

– Да, насчет погибших у меня гора с плеч свалилась.

– Я понимаю тебя. Два отделения – это хорошо. Это двадцать бойцов вместо выбывших восемнадцати. Легкораненых же ты оставишь здесь?

– Это как санинструктор решит, но все равно получим как минимум на два бойца больше, чем потеряли. Хотя это все мелочь. Как думаешь, японцы вновь ударят по нам или теперь по соседям? Совсем забыл! Надо людей отправить, чтобы совместно восстановить мост.

– А какой смысл его восстанавливать? Японцы, если что, вновь уничтожат.

– Но поддержка?..

– Заставы могут поддерживать друг друга только огнем, да и то экономным. Людей перебрасывать невозможно.

– Почему?

– Потому что это сыграет на руку японцам. Я на месте их командира использовал бы мост, а не уничтожал его.

Гандориг внимательно посмотрел на советника и спросил:

– Каким образом?

Старший лейтенант затушил окурок, нагнулся к столу.

– Смотри, допустим, у меня задача – удар по нашей заставе. Что делаю я? Подвожу бойцов к сопкам, укрываю их, в то же время выделяю группу, которая выходит к соседней заставе, придаю ей станковый пулемет. В определенное время она открывает огонь, как было в нашем случае. Начальник соседней заставы поднимает ее в ружье. Он несет потери от обстрела, он запрашивает помощь у нас. Мы отправляем к соседям одно отделение и пулеметчиков. Тут-

то и оказывается, что все это – просто отвлекающий маневр. Сделав свое дело, добившись ослабления нашей заставы, группа возвращается сюда, и я атакую ослабленную заставу. При этом уничтожаю мост. И что в итоге? Наряд на сопках уничтожен, они захвачены. Станковый пулемет, перенесенный на высоту, громит заставу и наносит куда более существенный урон, чем мы понесли. Все это дает мне возможность уничтожить не только наряд, но и всю ослабленную заставу, захватить пленных. Я поступил бы так. Почему это не может сделать командир японского штурмового подразделения?

- Да, – проговорил Гандориг. – Значит, мост не восстанавливаем?
- Это решать тебе с начальником соседней заставы. Я бы не стал.
- Связист! – Гандориг взглянул на сержанта Карандана.
- Да, товарищ капитан.
- Связь с соседями!
- Слушаюсь!

Японский диверсионный отряд находился в низине, поросшей кустарником, расположенной в пяти километрах от линии границы. Отход диверсанты провели организованно, без происшествий. На месте прибытия их уже ожидал подготовленный лагерь. Для его организации была специально выделена группа обеспечения батальона особого назначения. Среди кустов стояли палатки, дымила полевая кухня.

Первой в лагерь, отмеченный на карте как объект 22, вышла группа старшины второго класса Дзиро Ито. Встретил ее командир группы обеспечения сержант Акио Санто. Он поприветствовал старшину и сказал, что обед готов. Диверсанты помылись и занялись обустройством в двух палатках.

В 16.20 подошли основные две группы во главе с командиром отряда майором Райдоном Куроки. Сержант встретил и его, доложил о готовности лагеря.

Куроки все осмотрел и спросил сержанта:

- Вы должны оставаться здесь или следовать в батальон?
- Пока оставаться здесь, – ответил Санто.

Майор взглянул на него и осведомился:

- Что значит пока?
- Таков приказ командира батальона. Находиться в лагере до особого распоряжения.
- У тебя есть связь со штабом батальона?
- Нет, господин майор.
- Как же тогда ты получишь это распоряжение?
- Не могу знать.
- Странно.

Мимо них солдаты пронесли раненого, поместили его в отдельную небольшую палатку.

– Занимайся своими делами, – сказал Куроки сержанту и зашел в эту палатку.

Санинструктор накладывал новые бинты на ноги раненого.

– Как закончишь, зайди ко мне в штабную палатку, – велел ему майор и вышел.

В штабной палатке находился только заместитель командира отряда капитан Одзава.

Куроки снял экипировку, бросил ее на кушетку, покрытую циновкой, расстелил на столике карту.

- Мы выполнили задачу, господин майор, – сказал Одзава.
- Начальную да, но есть и последующие.
- Я в курсе. Просто по этому поводу можно выпить немного саке.
- Нет, – отверг это предложение майор. – Передай, чтобы сюда принесли обед, а ужин – на час позже обычного, потом займись выставлением постов охранения. Удаление от лагеря не менее двухсот метров, в окопах, так, чтобы каждый дозорный видел остальных. Всего подгото-

вить четыре поста. Охранение распределить равномерно по группам, смена – два часа, начиная с восемнадцати ноль-ноль.

– Надолго мы здесь задержимся?

– Нет, – ответил майор. – Занимайся, Эндо!

Не прошло и минуты после ухода заместителя, как в штабную палатку явился санинструктор.

– Разрешите войти, господин майор?

– Входи, Яно.

Сержант зашел, встал у входа.

– Я видел, солдат ранен в ноги, – сказал Куроки.

– Правую пуля только царапнула, а вот левая раздроблена.

– Значит, он сам передвигаться не может?

– Конечно, нет, господин майор. Я сейчас наложил ему шину, перебинтовал, дал обезболивающее.

Майор встал, подошел к санинструктору и произнес:

– Надо поговорить с сержантом Санто, чтобы он забрал раненого в расположение батальона.

– Говорил уже. Он бы рад, но отсюда группа пойдет к границе, ей надо установить еще два таких лагеря.

– У них есть машина?

– Так точно. На себе столько палаток не перенесешь, а еще полевая кухня.

– Да, я как-то не подумал об этом, но грузовик не видел.

– Он за высокой сопкой.

– Понятно. Значит, переправить раненого в батальон мы не можем?

– Никак нет. Но я сделаю носилки, и мы будем носить его.

– Носить? – Глаза майора впелись в физиономию санинструктора.

– Другого выхода нет, господин майор.

– И как ты, сержант, представляешь действия отряда с раненым?

– Его можно будет оставлять где-нибудь.

– А с ним и тебя. Но ты в первую очередь член боевой группы и только потом санинструктор. Ты должен не сидеть с раненым, а воевать.

– Я плохо понимаю вас, господин майор.

– Между тем все просто. Раненый должен умереть. Его следовало добить при отходе. Думаю, наши бойцы взяли этого парня с собой, чтобы его телом прикрыться от огня монголов. То, что не произошло на поле боя, должен сделать ты здесь, в лагере.

Санинструктор отшатнулся и сказал:

– Но, господин майор, этот солдат – Гута, брат лейтенанта, помощника начальника штаба батальона.

– Что ж, тем лучше.

Сержант не смог скрыть удивления:

– Чем лучше, господин майор?

– Меньше болтать будешь о том, что умертвил раненого. Вернее, ты будешь молчать о том, что он умер от какого-то препарата, а не от ранения.

– Но ранение в ногу.

– Не тебе мне объяснять, почему умрет солдат, раненный в ногу.

– Если только от потери крови.

– Вот видишь, ты начал соображать. Чтобы лейтенант Гута не пристрелил тебя за брата, сделай все аккуратно и тихо. И никаких вопросов! Через десять минут ты должен доложить мне, что рядовой второго класса Гута умер. Иди!

– Слушаюсь!

Отпустив санинструктора, майор присел за стол. Юко принес обед. Куроки с удовольствием съел солидную порцию риса с вареными овощами.

В конце обеда вновь явился санинструктор.

– Разрешите доложить, господин майор?

– Докладывай, – сказал Куроки и сделал глоток крепкого чая.

– Рядовой второго класса Гута умер от потери крови.

Майор как ни в чем не бывало состроил скорбную физиономию.

– Жаль, хороший был солдат. Но война есть война. На ней иногда убивают. Так ведь, сержант Яно?

– Так точно, господин майор! Один вопрос разрешите?

– Да.

– Что делать с телом?

– В батальон его не доставить, священника, гроба и крематория у нас нет. Поэтому ты и Юко Ясида выройте за пределами лагеря яму, заверните покойного в какую-нибудь материю и закопайте. Не забудьте чем-то обозначить могилу. Возможно, брат умершего солдата решит ее наведать, а то и провести кремацию. В батальоне это возможно.

– Никакого церемониала?

– Не до того. Желающие могут проститься с покойным, но не думаю, что их будет много.

Люди устали. После похорон тебе с Юко отдых.

– Слушаюсь, господин майор!

Перед тем как заняться похоронами, Ясида убрал посуду со стола и спросил:

– Я еще буду нужен?

– Нет. Похороните солдата, и отдыхай.

– Благодарю. – Рядовой второго класса вышел, тут же вернулся и доложил: – Господин майор, прибыл начальник штаба батальона.

– Подполковник Накамура? – удивился командир отряда.

– Так точно. Его автомобиль встал за сопкой, там же охрана с бронемашинной.

– Интересно. Ступай.

Куроки быстро поднялся, надел ремень с кобурой, застегнул пуговицы комбинезона.

В палатку вошел коренастый, довольно молодой мужчина. На его петлицах красно-желтоватых цветов виднелись две большие белые звезды.

– Приветствую, майор.

– Рад видеть вас, господин подполковник, но признаюсь, что удивлен вашим прибытием. Начальник штаба батальона особого назначения присел за стол, поправил карту и заявил:

– Докладывай, майор, как прошла акция на погранзаставе Холар.

Куроки склонился над картой. Без разрешения он сесть не мог, подполковник же не предлагал ему это сделать.

Начальник штаба внимательно выслушал доклад майора и сказал:

– Значит, твоему отряду удалось уничтожить практически половину личного состава заставы?

– Так точно, господин подполковник!

– Какие потери в отряде?

– Двое убитых, один раненый. Хотя рядовой второго класса Гута скончался уже здесь. Он потерял много крови. Я не знал о вашем визите и распорядился похоронить его за пределами лагеря.

– Три человека для тебя, майор, это много.

– Но, господин подполковник, и монголы уже не те, что в тридцать шестом году. Они набрались опыта, в чем им весьма эффективно помогают советские военные советники.

Накамуро поднял глаза на майора и спросил:

– На заставе был советский советник?

– Да.

– А у соседей?

– Там мы не вели тщательного наблюдения. Поэтому точно ответить на ваш вопрос я не могу.

– Советник остался в живых?

– Этого тоже сказать не могу. План акции предполагал стремительные действия и быстрый отход по двум направлениям. Я не мог смотреть за советником. Тем более что он не принимал участия в боевых действиях.

– Понятно. А теперь слушай, что следует делать дальше. Но для начала информация по общей обстановке в районе применения нашего батальона, да и по всей границе. Ты знаешь, что в тридцать шестом году Советский Союз подписал с Монголией пакт о взаимопомощи. Тогда на ее территории развернулась довольно сильная и крупная группировка советских войск, включающая в себя соединения и части Пятьдесят седьмого отдельного корпуса. В нем около тридцати тысяч человек, двести восемьдесят танков, порядка трехсот бронемашин, часть из которых передана монголам, а также примерно двести орудий разных калибров. Кроме этого Советский Союз, по нашим данным, держит на монгольских аэродромах около ста самолетов.

– Но наша Квантунская армия гораздо сильнее, – воскликнул майор.

– Да, но разведка сообщает, что советское командование намерено увеличить состав группировки. Однако вернемся к нашей теме. Нам надо вынудить советское командование перебросить части и подразделения корпуса к границе, которую мы не признаем. Наши действия заставят русских сделать это. Опять-таки по информации разведуправления армии, они уже начали подготовку к переброске сил и средств к реке Халхин-Гол, разрабатывают планы действий. Так что ваша задача остается прежней – наносить удары по заставам. Тебе приказано еще раз напасть на заставу Холар. Ты основательно потрепал ее. Сейчас туда наверняка поступает пополнение, завозятся боеприпасы. На это уйдет не менее суток. Значит, подходи к Холару послезавтра на рассвете и действуй по тому же плану. Внезапный обстрел, стремительная атака, применение гранат, отход. Боекомплект вам пополнят завтра. Задача ясна?

– Да, господин подполковник.

– Вопросы?

– По соседней заставе работать?

– Нет. Тебе надо решать ту задачу, которую я обозначил.

– Слушаюсь, господин подполковник!

Макото Накамура поднялся и сказал:

– Я уезжаю. – Он пошел из палатки, но остановился на выходе, обернулся и спросил: – А этот рядовой не брат лейтенанта Гуты, моего помощника?

– Он самый.

– Понятно. Я сообщу ему о гибели солдата и месте его захоронения.

– Мне очень жаль, что так получилось, но рядовой Гута входил в состав группы метателей гранат.

– Война, майор!

– Так точно, господин подполковник!

– Не провожай. Отдыхай.

Начальник штаба уехал.

В штабную палатку тихо зашел санинструктор.

– Разрешите на минутку, господин майор?

– Если ты хочешь знать реакцию начальника штаба на гибель Гуты, то он воспринял ее спокойно, без эмоций, как истинный самурай. Так что тебе ничего не грозит, если будешь держать язык за зубами.

– Я все понял. Разрешите идти?

– Иди! – сказал майор и вызвал к себе командиров групп.

Автомобиль ГАЗ-АА называли полуторкой не просто так. Он мог перевозить полторы тонны груза или шестнадцать пассажиров, не считая старшего в кабине. Именно такая машина прибыла из Номана сразу после обеда и встала у штабной палатки.

Капитан Гандориг подошел к ней и узнал старшего машины лейтенанта Салбиуна, служившего в штабе отряда.

Офицеры поприветствовали друг друга, потом начальник заставы спросил:

– Голоден? А то у нас недавно прошел обед, осталось немного.

– Нет. Благодарю, товарищ капитан. Мне приказано забрать трупы и возвращаться в отряд.

– Тела лежат за санитарной палаткой. Вон она.

– Людей дадите?

– Конечно. – Гандориг вызвал к себе старшину заставы.

Не прошло и двадцати минут, как тела погибших пограничников были загружены в кузов грузовика.

– Что в отряде, Нарат? – спросил начальник заставы.

– Да что там может быть? Все по-прежнему. Вот только сегодня с утра слух прошел, будто нам на усиление выделяют советскую стрелковую роту, взводы броневладельцев и танков Т-26.

– Ого! – воскликнул капитан. – Это сила.

– Да, – согласился с ним лейтенант. – По крайней мере против небольших подразделений японцев.

– Я что-то русской авиации не вижу. Японцы летают, редко, но появляются. Русских же самолетов нет, а их в республике более ста штук.

Лейтенант пожал плечами и сказал:

– Это не наше дело, товарищ капитан, кому и когда летать.

– Ты прав. Ну, счастливого пути.

– Благодарю. Вечером к вам подойдут два отделения.

– Я в курсе.

– Удачи вам тут.

Полуторка ушла на запад, к сомону Номан.

Гандориг увидел советского военного советника и окликнул его:

– Алтан!

– Да, Амгалон.

– Погоди. – Капитан подошел к старшему лейтенанту и спросил: – Ты куда-то собрался?

– Хотел обойти отделения, посмотреть, в каком состоянии бойцы после такого довольно тяжелого боя.

– Ясно. Тут приезжала машина из отряда.

– Знаю. За убитыми.

– Да, всех погрузили. Я поговорил со старшим машины лейтенантом Салбиуном. Он в штабе отряда служит, интересные вещи мне рассказал.

Советник взглянул на начальника заставы:

– И что за вещи?

– У них там слух ходит, будто ваше командование решило усилить отряд стрелковой ротой Красной армии, взводом бронемашин БА-10 и танковым взводом на Т-26.

– Говоришь, слухи? – с улыбкой спросил Шагаев.

– Как у вас говорят, дыма без огня не бывает. А тебе ничего не известно об этом?

– Было бы известно, я давно бы тебя обрадовал.

– А уточнить информацию можешь?

– По-моему, с этим и без нас разберутся.

– Ты говорил, что твой бывший, да и настоящий начальник обещал помочь заставе. К нему обратиться нельзя?

Шагаев прикурил папиросу, чуть подумал и ответил:

– Почему нельзя? Можно, только неудобно как-то.

– А если на нас опять полезут японцы, да еще и большими силами, чем утром, удобно нам с одним пулеметом и двумя обоймами на винтовку обороняться будет?

– Ладно, не заводись, покурю и попытаюсь связаться с подполковником Смирновым.

– Попытайся, друг, очень тебя прошу. А моральное состояние бойцов я проверю сам, надо будет, подниму им настроение.

– Хорошо.

Но Шагаеву не пришлось беспокоить заместителя главного военного советника.

Из штабной палатки высунулся связист Карандан.

– Товарищ капитан! – обратился к старшему по званию и своему командиру.

– Да?

– Старшего лейтенанта Шагаева вызывает Улан-Батор.

Советник усмехнулся:

– Ну вот, Амгалон, видишь, как хорошо все вышло. Не надо суетиться.

Он прошел в палатку, взял трубку.

– Шагаев.

– Еще раз приветствую тебя, Алтан, – услышал старший лейтенант знакомый голос бывшего начальника отряда.

– Здравия желаю, товарищ подполковник!

– Наш связист целый час пытался выйти на вашу заставу. Да, бардака здесь хватает.

– В отношении связи, Андрей Андреевич, его хватает везде, и у нас тоже.

– Согласен. Значит, так. Командованием корпуса принято решение об усилении монгольского пограничного отряда в связи с участвовавшими случаями вооруженных провокаций, а где-то, как у вас, и боестолкновений. В аймак Хамтай, в который входит сомон Номан, направляется стрелковый батальон, усиленный ротами танков и броневедомостей, саперным взводом и санитарным отрядом. Непосредственно в Номан пойдет стрелковая рота с танковым и броневедомостным взводами. В каждом по пять единиц боевой техники. Я договорился со службой вооружения. Через стрелковую роту этого батальона специально для твоей заставы будут переданы три пулемета и дополнительный боекомплект.

– Большое спасибо, Андрей Андреевич.

– Не за что. Я же тебе не бутылку горилки посылаю для веселья, а оружие и боеприпасы, чтобы воевать.

– Сейчас оружие и боеприпасы как жизнь.

– Ошибаешься. Всегда, во все века символом жизни была любовь. Кстати, ты так и не женился?

– Нет, товарищ подполковник. Познакомился с девушкой, вроде нормальная, начали встречаться, а тут командировка.

– Письма друг другу пишете?

– Писали поначалу через комендатуру, оказалось, что они редко доходят до адресата. Вдобавок я не хочу, чтобы их читал какой-нибудь чинуша из военной цензуры.

– Но она ждет?

– Обещала ждать, а как на самом деле, не знаю.

– Ты верь, Алтан. Девушка ждет и думает о тебе.

– Я верю.

– Но все, мне пора к комбригу. Значит, оружие и боеприпасы получишь у командира роты. Мне тут фамилию его называли. Сейчас, секунду, вот, старший лейтенант Новиков Сергей Николаевич. Как организовать передачу, разберетесь сами. До связи, Алтан.

– Еще раз благодарю, Андрей Андреевич. До связи. – Шагаев передал трубку связисту и вышел из штабной палатки.

Начальник заставы оставался на месте и сразу спросил:

– Что скажешь, Алтан?

– Слухи подтвердились. В Хамтай идет стрелковый батальон с ротами танков и бронемашин, саперным взводом и медико-санитарным отрядом. К нам в отряд придут соответственно рота пехоты, взводы танков и броневиков, отделения саперов и медиков. Что выделят заставе, решит начальник отряда. Да, и еще вот что. По моей просьбе подполковник передал нам с командиром роты старшим лейтенантом Новиковым три пулемета и дополнительный боекомплект.

– Дай я тебя обниму, дорогой мой друг.

– Не стоит при бойцах.

– И когда подойдет батальон?

– Вот этого подполковник не знает. Потому как распоряжается им командир корпуса комдив Фекленко. Но придет, не беспокойся.

– Лишь бы до этого японцы не нанесли мощный удар по нам. Что по авиации, не узнавал?

– Это тоже не входит в компетенцию советников.

– Ясно. А японцы появились. Вон они.

Шагаев посмотрел в небо и увидел, что с востока приближалось звено из трех самолетов.

– Это японские истребители «Накадзима», – сказал он.

– Почему истребители? По идее, должны быть разведчики или бомбардировщики.

– Разведку могут проводить экипажи любых самолетов.

Японские истребители подошли к линии границы. Там два отвернули на север и юг, один взял вверх. Проведя этот маневр, они вновь сошлись и скрылись за горизонтом на востоке.

– И что бы это значило? – спросил Гандориг.

– Показали, кто в небе хозяин. Возможно, делали снимки позиций обороны.

– Это значит, что пехота, которая атаковала нас, ушла в глубину своей территории?

Шагаев взглянул на начальника заставы и проговорил:

– Нас атаковала не пехота, а диверсионно-штурмовое подразделение. Нам следует готовиться к повторению нападения.

Гандориг сплюнул на песок и спросил:

– Считаешь, японцы объявятся вновь?

– А черт их знает. Может, объявятся, может, нет, но нам требуется укрепить позиции. Самый сильный урон нам причинил расчет их станкового пулемета. Значит, надо на сопках и внизу, между ними, быстро соорудить окопы, в которых пограничники могли бы укрыться от огня диверсантов. Начать рыть их следует сейчас, немедленно.

Гандориг вызвал заместителя и поставил ему задачу.

Через полчаса пограничники, вооруженные кирками и лопатами, под прикрытием наряда развернули работы по сооружению укрытий. Траншеи были вырыты на сопках, в развалинах, стрелковые ячейки – у подножия холмов, между ними протянулись ходы сообщения.

Так прошло время до вечера, когда на заставу подошли две полуторки. Прибыло пополнение. Отделениями командовали сержанты Амгал Бордегин и Далай Тулбат. У первого из них был ручной пулемет, обещанный начальником отряда.

Расчет тут же был выставлен на позицию, подготовленную заранее. Огневые точки для пулеметов располагались немного впереди сопки, в десяти метрах друг от друга, с таким расчетом, чтобы они имели единый сектор обстрела в сто восемьдесят градусов.

Полуторки тут же двинулись в обратный путь. На них уехали два раненых пограничника.

Новые бойцы поставили палатки, привезенные с собой. Им был объявлен отдых. На дежурство заступили отделения сержантов Барласа Гонгора и Нарата Мурута. Все они находились в укрытиях, но имели возможность контролировать значительную территорию.

Единственное, что мешало им, так это сопки, с которых японцы атаквали заставу. Капитан Гандориг не решился выставить на них дозорный пост, хотя старший лейтенант Шагаев и советовал ему сделать это.

После ужина майор Куроки вызвал к себе заместителя и сказал ему:

– Я решил провести разведку заставы Холар.

– Цель?.. – спросил капитан Эндо Одзава.

– Посмотреть, что предприняли монголы после нашего нападения.

– Это опасно.

– А что на войне не опасно? Сидеть тут, на объекте двадцать два? Это тоже чревато. Русские имеют авиацию. Она в любой момент может подняться и пройтись над нами.

– Это будет нарушение границы.

Куроки усмехнулся и спросил:

– А мы ее не нарушали?

– Нет! Ведь граница проходит по реке, а монголы продвинулись на двадцать – двадцать пять километров на восток от нее, – ответил Одзава.

– Вот видишь, они уже оккупировали наши территории, так почему бы им не продвигаться еще дальше? Хотя речь идет об авиации. Наши самолеты залетают за реку, то же самое могут позволить себе русские. Их летчики увидят лагерь, наведут бомбардировщик, он разнесет тут все в считанные минуты. Наша авиация и подняться с аэродромов не успеет. Так что и здесь находится опасно. Но не следует, капитан, обсуждать решения начальника. Слушай задачу. Подберешь двух бойцов во главе с капралом. Пусть они пройдут до балки, по которой мы подходили к сопкам, осмотрятся там. На месте начальника заставы я выставил бы наблюдателей на эти высоты. Если их там нет, то пусть наши люди поднимутся на них, посмотрят на позиции заставы, определят, что изменилось, прибыло ли из Номана подкрепление. В первую очередь меня интересуют бронемашин, минометы, пулеметы. Наличие пополнения в личном составе определить будет практически невозможно, а вот каким числом монголы этой ночью охраняют границу, узнать вполне реально. Меня также интересует, восстановили ли они мост между заставами. В общем, мне нужно знать все, чтобы спланировать второй удар по этой заставе.

– А не провести ли нам отвлекающий маневр? – предложил капитан.

Командир отряда посмотрел на него и спросил:

– Ты имеешь в виду имитацию нападения на соседнюю заставу?

– Да.

– Это тоже будет зависеть от того, что увидит разведка. Отбери самых лучших воинов. Я не исключаю, что монголы могли прислать в район границы специальную антидиверсионную группу, в задачу которой входит обнаружение и уничтожение нашего отряда. Ты понял меня, Эндо?

– Да, господин майор.

– Выполняй приказ.

– Один вопрос.

– Хоть несколько.

– Мне представлять вам разведгруппу?

– Перед выходом в этом нет никакой необходимости, а вот после разведки – обязательно, во сколько бы она ни вернулась. Впрочем, время действий разведчиков ограничено шестью часами. Следовательно, возвратиться на базу они должны в четыре утра.

– Понял.

– Ступай.

Капитан Одзава вышел из штабной палатки. В разведку он решил отправить солдат из первого отделения, подчиненного ему, и вызвал к себе капрала Сатоси Кату.

– Господин капитан... – начал было тот, но офицер прервал его:

– Не надо, Сатоси. Тебе предстоит ночная работа.

– Я слушаю, господин капитан.

– Возьми двух самых опытных своих солдат и аккуратно следуй к месту утреннего боя... –

Одзава поставил задачу капралу и добавил: – От тех данных, которые вы получите в ходе разведывательного рейда, зависит многое в предстоящих действиях всего отряда.

Капрал козырнул и сказал:

– Я все понял, господин капитан. Задача будет выполнена.

– Если разведгруппа нарвется на специальное подразделение монголов, обязательно подай сигнал – две зеленые ракеты. Мы увидим их. Ну и затем бой. Получится прорваться, хорошо, нет, ты сам знаешь, что делать.

Като поднял голову:

– Да, господин капитан, я знаю, что делать в случае угрозы пленения. Живыми монголы нас не возьмут.

– Но лучше, если этого не произойдет. Вопросы?..

– Вы не обозначили время разведки.

– Разве? Хотя мог и не назвать. Значит, выход через сорок пять минут, время разведки – шесть часов, что означает возвращение группы в лагерь в районе четырех часов утра. Ровно в это время я буду встречать вас на позиции западного дозора. Доклад о результатах непосредственно командиру отряда.

– Я все понял, господин капитан. Вопросов нет.

– Ты уже определился, с кем пойдешь?

– Да. Вам назвать фамилии?

– Не надо.

– Разрешите идти?

– Удачи, капрал!

Сатоси Като ушел.

Ровно в 22 часа разведывательная группа, облаченная в маскировочные халаты, со штатным вооружением двинулась к западному посту. Капрал и два солдата миновали дозор, предупрежденный о них, ушли в степь, благополучно добрались до балки, там сделали привал.

Отсюда капрал Като видел через оптику высоты, которые занимал отряд перед утренним нападением на заставу. На фоне неба капрал разглядел бы любое движение на вершинах, но не заметил ничего подобного.

После отдыха он повел своих людей дальше. Из балки разведчики внимательно осмотрели восточные сопки и тоже никого не обнаружили.

После этого Като отправил одного бойца к ближней высоте и вскоре увидел, как там трижды мигнул фонарик. Это означало, что у сопки противника нет.

Капрал со вторым разведчиком прошли к холмам. Вскоре выяснилось, что они тоже пусты.

Капрал приказал своим людям подняться на сопку, которую в ходе атаки на заставу занимал майор Куроки. Оттуда разведчики смогли хорошо оценить обстановку. Они действовали настолько профессионально, что никто из монгольских пограничников их не заметил.

Разведгруппа капрала Като выполнила задачу. В 02.40 она спустилась на плато, прошла в балку и начала ускоренный марш к объекту 22.

Глава 3

После ухода разведгруппы в лагере был объявлен отбой. Службу несли только дозорные на четырех постах. Они могли осуществлять контроль местности по кругу.

Майор Куроки лег спать, запрограммировав подъем на четыре утра, к возвращению разведывательной группы капрала Сатоси Като.

Но не успел он закрыть глаза, как в его палатку заглянул рядовой второго класса Юко Ясида и спросил:

– Господин майор, вы уже спите?

Куроки с раздражением проворчал:

– Другого такого же идиотского вопроса я в жизни не слышал. Чего тебе, Юко?

– Извините, господин майор, но прибыл офицер по поручениям командира батальона, лейтенант Ямгути.

– Порученец? После того как сегодня здесь был начальник штаба? Интересно. Значит, в плане наших действий что-то изменилось. Проведи его в штабную палатку, я сейчас подойду.

– Слушаюсь, господин майор!

Куроки оделся, прошел в штабную палатку, освещенную керосиновой лампой.

Лейтенант из штаба поднялся при виде старшего офицера.

– Извините, господин майор, что вынужден будить вас...

Куроки прервал его:

– Пустяки. Что у вас, лейтенант?

– Еще раз извините, я не представился. Лейтенант Ямгути. – Офицер поклонился, достал из планшета пакет. – Это для вас, господин майор. Я выполняю приказ начальника штаба батальона подполковника Накамура.

– Но он сам был здесь.

– Ситуация изменилась. А я, господин майор, всего лишь исполняю приказ.

– Ну хорошо, поглядим, что тут. – Командир отряда осмотрел печати, вскрыл пакет, развернул лист бумаги, прочитал то, что было написано на нем. – Вот, значит, что! На словах подполковник Накамура ничего не просил передать?

– Просил. Воздушная атака застав не должна повлиять на решение отрядом боевой задачи, поставленной ему.

В донесении говорилось о том, что в 08.00 японская авиация начнет бомбардировку застав Номанского пограничного отряда, в том числе и Холара. Это обстоятельство должно способствовать действиям отряда майора Куроки. Территория, захваченная им, станет плацдармом для наступления до реки Халхин-Гол.

– Мы свою задачу выполним. А как насчет подхода основных сил? Об этом Накамура говорил? – осведомился Куроки.

– Это не в компетенции командования батальона. Но пехотные, механизированные и танковые подразделения бригады уже выведены на рубеж предстоящих активных действий.

– Что мешает этим подразделениям подойти ближе и атаковать заставы без занятия плацдарма, с ходу? Монголы не смогут оказать им сколько-нибудь существенного сопротивления?

– Извините, господин майор, этот вопрос не ко мне.

– Что-то мудрит командование бригады. Или у монголов появилось нечто такое, что может сорвать наступление, поэтому требуется плацдарм?

– Не могу знать, господин майор. Я передал вам пакет, слова начальника штаба. На этом моя миссия выполнена. Разрешите убыть?

– Вы на машине?

– Да, она за сопкой.

– Ступайте, лейтенант, и передайте подполковнику Накамуру, что мой отряд свою задачу выполнит. Но на будущее я хотел бы иметь полное представление об обстановке, складывающейся в районе моих действий.

Лейтенант козырнул и вышел из палатки.

Куроки выругался. Он, опытный вояка, понимал, что командование бригады решило захватить плацдарм, исходя из того, что не могло в ходе общего наступления выбить монголов за реку. А вот почему не могло – это вопрос. Ответа на него у майора не было.

«Это плохо, – подумал он. – Нет ничего хуже работы вслепую. Бомбардировка? Почему ее не провели раньше, а выслали диверсионный отряд с задачей нанесения заставе максимально возможного ущерба? Подведены ли к двум соседним заставам другие отряды батальона? Почему, в конце концов, именно эта территория определена для создания плацдарма, хотя, судя по концентрации сил Квантунской армии, направление главного удара выбрано севернее?

Растягивание фронта монголов? Возможно. Прорыв в глубину территории Монголии частей и подразделений бригады с целью оттянуть на себя значительные силы русских? Не исключено.

Но ведь это приведет лишь к тому, что бригада угодит в котел. Остановить авангард соединения и отрезать тылы, оказавшиеся на территории противника, не составит труда. Или командование армии реализует план, который предполагает потерю одной-двух бригад? Они оттянут на себя значительные силы противника, погибнут, но позволят нанести сокрушительный удар на главном направлении? – Майор отодвинул от себя карту. – Нечего гадать, у меня есть отряд, которому поставлена задача. Я ее выполню, а дальше пусть полковник Танака думает, на то он и командир батальона.

И все же что-то у монголов изменилось, раз командование бригады не решилось на общее наступление. Этот момент прояснится очень скоро, возможно, даже днем».

Куроки прилег на топчан, но так и не смог уснуть. В третьем часу ночи он поднялся, измотанный, злой, разбудил Юко и приказал ему заварить крепкий чай. Этот напиток заметно взбодрил его.

Вскоре майор вышел на пост охранения, через который должна была вернуться разведывательная группа. Она подошла туда с десятиминутным опережением графика.

Куроки тут же увел капрала в штабную палатку и приказал рядовому второго класса принести ему чаю.

Он вернул карту на ее законное место и приказал:

– Докладывай, Като!

– Господин майор, до сопки, занятых нами ранее, мы дошли без происшествий и обнаружили, что монголов там нет. На них даже не выставлен пост раннего обнаружения противника. Потом мы поднялись на сопку, с которой вы руководили вчерашним боем, и увидели, что свои высоты монголы заняли. На них усиленный наряд. Там, где был один пограничник, сейчас два. Осмелюсь предположить, что застава получила пополнение. Я сам видел два пулемета, хотя у них оставался один. Уже ночью все пограничники наряда зарылись в землю, оборудовали окопы. Как ни странно, подвесной мост они не восстановили. Мой общий вывод таков. Застава была пополнена личным составом, оружием и боеприпасами. Пограничники несут службу в режиме повышенной готовности.

– Тогда почему монголы не посадили дозор на восточные сопки?

– Не могу знать, но сопки пусты.

– Ты уверен, что пограничники вас не заметили?

– Уверен. В противном случае они обязательно попытались бы уничтожить или захватить нас. Но ничего подобного не произошло.

– Что на соседней заставе?

– Наряд усилен и там. Смею предположить, что и на третьей тоже.
– Бронетехнику не видели?
– Нет.
– Не видели или ее нет на заставах?
– На Холаре и на второй заставе бронетехники нет.
– Откуда такая уверенность? Осмотр застав невозможен. Мешают западные сопки.
– Это так, господин майор, но я посылал разведчика к оврагу, который тянется между заставами. Оттуда вся территория видна неплохо. Бронемашины или танки мой боец наверняка заметил бы.

Майор посмотрел на командира разведгруппы и спросил:

– Кто дал тебе право так рисковать?
– А разве не важно для отряда, получил ли противник технику, которая может свести на нет все наши усилия по захвату Холара? – спокойно проговорил капрал.
– Значит, ты проявил инициативу?
– Так точно, господин майор. Я знаю, что она чаще всего наказуема, и готов нести ответственность.

Куроки неожиданно улыбнулся:

– Ты молодец, капрал. Это мое упущение. Определяя задачу группе, я не обязал тебя проверить наличие бронетехники у противника. Так что никакого наказания, напротив, благодарность. Теперь отдыхай.

– Слушаюсь! – сказал командир разведгруппы и ушел в свое подразделение.

Майор так и не уснул.

Днем из батальона пришли грузовики с боеприпасами и продовольствием.

Куроки так замотался, что рухнул на свою кушетку еще засветло, и это пошло ему на пользу. На сей раз он выпался с лихвой, поднялся сам, привел себя в порядок.

Командиры штурмовых групп построили подчиненных. Майор отдал приказ на выдвижение к сопкам.

Диверсанты шли отдельно, по группам, используя сложный рельеф местности, добрались до балки и оврага. Там майор приказал выслать разведку для осмотра высот.

Скоро пошли доклады о том, что сопки пусты. Командир отряда распорядился выйти к ним и укрыться, что и было сделано.

Сам он с заместителем и рядовым второго класса поднялся на ту же самую сопку, которую занимал вчера. Там ничего не изменилось. Из укрытия майор осмотрел в бинокль противоположные холмы.

Капрал Като доставил достоверную информацию. Сейчас, когда уже вовсю светило солнце, Куроки сразу увидел усиленный наряд, укrywшийся в траншеях, вырытых недавно и на вершинах сопки, и у их подножия. Монголы оборудовали две пулеметные позиции в окопах-ячейках, соединенных между собой выше проходов. Расчеты имели сектор обстрела практически в сто восемьдесят градусов, были защищены плотным земляным бруствером.

– Они подготовились к нашей новой атаке, – проговорил командир отряда.

Заместитель взглянул на него и спросил:

– Вы что-то сказали, господин майор?
– Я сказал, что монголы подготовились к обороне. Наш отход не ввел их в заблуждение.
– Монголы – низшая раса, но среди них тоже попадаются грамотные офицеры.
– Особенно когда рядом советский советник.
– Да. Как сегодня будем действовать? Выставляем станковый пулемет и бьем по вершинам сопки? Все как вчера?
– Нет, – ответил Куроки. – Ждем!

– Извините, господин майор, позвольте узнать, чего ждем?
– Увидишь сам. Мне не до объяснений.
– И пулемет не выставляем?
– Пока нет. Расчету быть в готовности перенести его на противоположную сопку.
– Как это? Под огнем монголов?
– Эндо, прошу, не задавай вопросы, передай приказ расчету. Командирам групп находиться в готовности к атаке заставы.

– Но...

Куроки так взглянул на заместителя, что тот сразу кивнул и промямлил:

– Понял. Передаю приказ. Мне тоже оставаться здесь или уйти к группе?

– Будь здесь.

– Да, господин майор. Я все понял.

– Сомневаюсь, но поймешь немного позже.

Изрядно растерявшийся капитан отошел к спуску, оттуда передал приказ расчету пулемета и командирам штурмовых групп.

Вернулся на место и залег рядом с Куроки. Тот продолжал рассматривать западные сопки, иногда переводил оптику на соседнюю заставу. Монголы несли службу в штатном режиме, хотя и в повышенной боевой готовности.

Военный советник начальника заставы старший лейтенант Шагаев с четырех утра находился в окопе, у подножия крайней южной сопки.

– Зачем ты пойдешь в окоп, Алтан? – спросил его капитан Гандориг еще вечером. – Японцы ушли, если вернуться, то их увидят бойцы наряда. А чего тебе делать у сопки?

– Ну не зря же твои люди там все это вырыли.

– Я еще вчера не мог понять, для чего он. Может, все же объяснишь, что ты делаешь?

Шагаев улыбнулся:

– Хорошо, объясню. Наш наряд утром не увидел, как к заставе подошел отряд противника. Почему так произошло? Да потому, что японцы использовали балки и овраги, прикрывались восточными сопками. С наших высот местность за ними не просматривается даже с вышек. По оврагам и балкам тоже можно спокойно пройти и остаться незамеченным. Так японцы и сделали. Я внимательно изучил карту и вот что выяснил. Если смотреть не с вершины, а с бока и с низа крайней сопки, то примерно треть этого пространства будет видна. Надо проверить, так это или нет.

Гандориг скептически посмотрел на советника.

– Значит, с вышек не было видно, а из низины разглядишь?

– По карте получается так. Пойдешь со мной, посмотришь?

– И когда ты собрался идти туда?

– В четыре утра.

– Самое время для сна.

– Самое время для подхода противника и нанесения удара.

Начальник заставы усмехнулся и проговорил:

– Мы отбили их утром, в куда более сложной ситуации, пусть и с потерями, но сделали это. Зачем им возвращаться? Чтобы еще раз получить, как у вас говорят, по морде?

– Ну, во-первых, мы не отбили японцев. Они отошли сами, по сигналу, хотя вполне могли переместить станковый пулемет на наши высоты и попросту добить нас всех. Почему?

– И почему?

– Вот и я не могу понять. А надо бы, чтобы не попасть впросак в следующий раз.

– А что во-вторых? – спросил Гандориг.

– Японцы отошли по приказу. Нам непонятны их действия. В этом кроется опасность. А если они делают ставку на то, что после первого удара мы успокоимся, подумаем, что у них не хватило духа продолжать бой, а сами в то же время готовят решительный удар? В-третьих, подразделение, которое нас атаковало, действовало под четким руководством. Его командир знал, что и как надо делать. Никогда не поверю, что японцы вышли к границе просто для того, чтобы пострелять по заставе и уйти. Это не их тактика. Так вообще никто не воюет.

– Значит, ты уверен в том, что они вернуться?

– И как бы не с усилением. Первую атаку можно вполне рассматривать как разведку боем. Японцы провели ее, отошли, наверняка откуда-то смотрели за нами. Поставили ли мы пост раннего обнаружения? Выйдут ли к границе бронемашин? Они увидели все, что им было надо. Дальше что? Я считаю, что теперь наши враги и нанесут тот самый решительный удар. Но для этого им надо скрытно подойти к сопкам. Сделать это можно, но ближе к оврагу. По нему, я думаю, они и отошли куда-то недалеко, где у них оборудована база. Если я окажусь прав, то от крайней сопки есть шанс увидеть японцев. Не все подразделение, даже не отделение, а нескольких солдат, но и этого будет достаточно, чтобы подготовиться к обороне.

– Мы и так готовы, – сказал Гандориг.

– Да, для усиления обороны кое-что предпринято, но остановит ли это японцев?

Начальник заставы отказался идти к сопке, и с четырех утра в специально вырытом окопе находился старший лейтенант Шагаев.

Интуиция не подвела опытного человека. Он увидел японцев, всего двух. Они последними выскочили из оврага и, пренебрегая мерами безопасности, вышли на открытое крохотное пространство в полный рост. В поле зрения советского старшего лейтенанта они были лишь секунду, но ему этого хватило.

Он скрытно отполз по траншее за сопку и бросился к палатке начальника заставы.

– Подъем!

– Что такое?

– Подъем, говорю, японцы объявились.

– Что? – повторил капитан и сел на лежанке.

– Да очнись ты. Японцы вышли к восточным высотам.

– Дьявол! Наряд оповещен?

– Нет. Вставай, одевайся, а я потихоньку подниму личный состав.

– Угу, давай. Встретимся в штабной палатке.

Шагаев понимал, что с восточных высот его тут рассмотреть никак нельзя, и все же перемещался скрытно.

Старший лейтенант поднял личный состав и вывел его на позиции обороны, устроенные за развалинами крепости. Начальник заставы разбудил заместителя. Старший лейтенант Бержингин направился к сопкам, предупредил старшего наряда Барласа Гонгора о подходе японцев, объявил полную боевую готовность, прополз к пулеметчикам и остался с ними.

Связист вызвал начальника соседней заставы капитана Айрата Дигууна.

– Что у вас случилось? – спросил тот.

– Японцы вновь вышли к восточным сопкам, – ответил Гандориг.

– Да ты что? Поднимаю заставу в ружье.

– Да, и сообщи об этом соседу, старшему лейтенанту Тибригэру.

– Конечно. Ты доложил в отряд о японцах?

– Пока нет, решил сначала тебя предупредить.

– Понял, благодарю. До связи, Айрат.

– До связи, Амгалон. – Начальник заставы Холар закончил этот разговор и сказал связисту: – А сейчас, сержант, соедини меня с отрядом.

– Слушаюсь!

Карандан извлек из аппарата один провод, вставил разъем с другим, проверил наличие соединения.

– «Рубеж» слушает, – ответил дежурный.

– Это «Крепость». Мне срочно нужен начальник отряда, – проговорил начальник заставы и вскоре услышал немного искаженный голос подполковника Гэлдэра:

– На связи!

– Товарищ подполковник, докладываю, советским военным советником замечен подход японцев к восточным сопкам.

– Черт возьми, что еще за японцы?

– Предполагаю, это тот же отряд, который атаковал заставу вчера утром.

– И чего им от тебя надо?

– Не могу знать, товарищ подполковник.

– Численность противника установлена?

– Никак нет. Сейчас невозможно это сделать.

– Плохо. Заставу поднял в ружье?

– Так точно.

– Придется высылать к тебе бронетехнику. Ты ведь не знаешь, насколько силен твой противник, какое вооружение он имеет. Пушки и пулеметы БА-10 смогут накрыть противоположные высоты. Что на данный момент делают японцы?

– Они находятся за сопками. Мы их пока не видим.

– У тебя сейчас два отделения в наряде?

– Так точно, а также две огневые точки с расчетами пулеметов, два отделения на рубеже прикрытия заставы, одно отодвинуто вглубь, к палаткам.

– Понятно. Держись. БА-10 подойдут. Не сразу, но будут.

– Благодарю.

– До связи!

– До связи.

Гандориг передал трубку связисту, посмотрел на часы. Стрелки показывали 07.50. Он приказал связисту покинуть штабную палатку, укрыться среди развалин и оберегать телефонный аппарат как собственную жизнь. После этого начальник заставы прошел к отделению сержанта Мунхбая.

Монгольские пограничники ждали повторения вчерашних событий. Но произошло нечто иное, никак ими не ожидаемое.

Слева донесся гул двигателей.

– Это что такое? – воскликнул начальник заставы.

– Похоже, к нам идут самолеты, не один и не два, – ответил сержант Мунхбай.

– Самолеты? Это могут быть только японцы. О наших и русских нас предупредили бы, да и делать им тут нечего.

Гул нарастал, раздалось приглушенные взрывы.

Тут к начальнику заставы подбежал солдат и доложил:

– Товарищ капитан, связист просит вас подойти.

Гандориг полетел к сержанту, схватил трубку, но услышал лишь несколько слов капитана Дигууна:

– Застава атакована вражескими...

Разговор прервался.

В небе тут же появились шесть японских легких бомбардировщиков Ки-30, прикрытых четырьмя истребителями «Накадзима». Соседняя застава покрылась грибами разрывов. Бомбардировщики шли в две линии, по три в каждой, в сотне метров друг от друга. Взрывы повредили линию связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.